УДК 316.75;316.614.5 Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2015. Вып. 3

И. В. Кутыкова, О. В. Халлисте

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ РОССИИ И ЭСТОНИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), 190013, Санкт-Петербург, Московский пр., 26

Статья посвящена проблеме исторической памяти старшеклассников России (Санкт-Петербурга) и Эстонии (г. Таллина), обучающихся на русском языке. Эмпирическое основание составили результаты социологического исследования, проведенного в 2013 г. методом раздаточного анкетирования. На основании анализа полученных результатов авторы выявляют содержание и характер исторической памяти, исторического нигилизма, конфликтных ситуаций в контексте субъективной и официальной оценки исторических событий, значение исторической памяти в развитии исторического сознания и политической культуры молодежи. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: школьная молодежь, отечественная и всеобщая история, историческая память, тенденции и проблемы, исторический нигилизм, оценка исторических событий, конфликтные ситуации, политическая культура.

HISTORICAL MEMORY OF MODERN RUSSIAN AND ESTONIAN SCHOOLCHILDREN: A COMPARATIVE ANALYSIS

I. V. Kutykova, O. V. Halliste

St. Petersburg State Institute of Technology (Technical University), 26, Moskovskiy pr., St. Petersburg, 190013, Russian Federation

The article is devoted to the problem of historical memory of high school students in Russia (St. Petersburg) and Estonia (Tallinn), studying in Russian. Empirical basis amounted to the survey conducted in 2013 by the method of distributing the questionnaires. Based on the analysis of the obtained results, the authors determine the content and nature of historical memory, historical nihilis, conflict situations in the context of subjective and official evaluation estimates of historical events, the value of historical memory in the development of historical consciousness and political culture of youth. Refs 12.

Keywords: school youth, national and world history, historical memory, trends and issues, historical nihilism, evaluation of historical events, conflicts, political culture.

В числе актуальных тем, принадлежащих социологии истории, политики, управления, социологии молодежи, следует рассматривать тему исторической памяти. В современном гуманитарном знании, как отмечает М. В. Соколова, историческая память является не отдельно взятой концепцией, а приобретает черты особой научной дисциплины со своей теорией, внутренней иерархией и собственным методом исследования [1, с. 88]. Согласно Ж. Т. Тощенко, историческая память есть определенным образом сфокусированное сознание, отражающее особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. По сути, она является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для его возможного использования в деятельности людей [2, с. 437].

В последнее десятилетие тема исторической памяти занимает незыблемо высокие и многогранные познавательные позиции [1–6]. Одним из важнейших вопросов, принадлежащих данной теме, является историческая память современной школьной молодежи как активной и флуктуирующей социальной группы, значимой части социальной общности периода социальной трансформации.

С данной позиции для анализа предлагается исследование исторической памяти эстонской молодежи как определенной части европейского сообщества, сформировавшегося в постсоветском государстве. Ситуация в г. Таллине интересна тем, что эстонцы и русскоязычные здесь представлены примерно в равных количествах в населении города, в связи с чем неизбежны не только контакты, но и конкуренция между представителями двух общин. Для сравнения были выбраны школьники Санкт-Петербурга как крупнейшего города России балтийского побережья, молодежь которого представляет научный интерес для авторов [7–12].

Авторами данной статьи в апреле 2013 г. было проведено социологическое исследование методом раздаточного анкетирования среди школьников 10–11-х классов Санкт-Петербурга Российской Федерации и школьников старших (10–12-х) классов Таллина Эстонской Республики, обучающихся на русском языке. Изначально в выборочную совокупность планировалось также включить респондентов Таллина, обучающихся на эстонском языке. Однако согласия данных школ на участие учеников в проводимом исследовании получено не было. В результате выборку составили 300 респондентов. Среди участников опроса из Санкт-Петербурга, школьников старших классов, 40% юношей и 56% девушек (без ответа о себе — 4% респондентов) восьми национальностей (русские — 78%, евреи — 2%, азербайджанцы — 1%, украинцы — 1%, чеченцы — 1%, белорусы — 1%, грузины — 1%, казахи — 1%) и таких этнических сообществ, как кумыки, — 1%, этнические немцы, — 1%; 12% школьников оставили вопрос без ответа. Среди эстонских старшеклассников в опросе приняли участие 51% молодых людей и 49% девушек из Таллина четырёх национальностей: русские (56%), эстонцы (19%), украинцы (5%) и финны (1%). Интересно отметить, что 3 респондента написали в графе национальность «*не знаю*», 5% опрошенных обозначили свою национальность как «*русский эстонец*»). Возраст опрошенных составил от 15 до 20 лет включительно. Выборочная совокупность построена как простая случайная выборка.

Предложенные вниманию респондентов вопросы позволили решить ряд задач по выяснению: 1) содержания исторической памяти (эпох, периодов, событий и лиц в отечественной и мировой истории, памятных респондентам и интересующих их); 2) характера «памяти сердца», или чувств школьников, обращенных к «историческому»; 3) явления исторического нигилизма, наблюдаемого школьниками; 4) причин исторического нигилизма в оценке нового поколения; 5) места, уровня и частоты конфликтных ситуаций, с которыми респонденты встречаются в повседневной жизни; 6) субъектов конфликтных ситуаций, выработки собственной позиции и значения официальной позиции в контексте оценки исторических событий; 7) значения исторической памяти в политической культуре.

Одним из фундаментальных вопросов исторической памяти является ее содержание. Подавляющее большинство школьников-респондентов Санкт-Петербурга и Таллина (81% и 95% соответственно) не испытывают затруднения в перечислении периодов и эпох во всеобщей истории и истории России, привлекающих их внимание и удерживаемых в исторической памяти. Согласно результатам исследования, школьников интересует, главным образом, всеобщая история (135 и 86 упоминаний участниками опроса Санкт-Петербурга и Таллина соответственно). Акценты внимания некоторым образом разнятся. Так, интерес российских респондентов ко всеобщей истории сопряжен преимущественно с историей Средневековья,

Древнего мира, XX в., «всеми/многими» периодами и эпохами, а также с историей эпохи Возрождения и современностью, Новым временем. А для эстонских старшеклассников он связан с историей XX в., где доминирует история II мировой войны, с Древним миром, прежде всего с античностью, Средними веками и эпохой Возрождения, Новым временем. В связи с общим вопросом о наиболее интересных эпохах, периодах в истории страны и/или стран петербургские школьники, называя историю России, выделяют историю XX в., СССР; императорской России; историю России, в том числе в контексте всемирной истории; «всех/многих» периодов; историю Древней Руси; современность, т. е. начало XXI в. Школьникам Таллина интересна вся история России.

Внимание, направленное на историю России, проявляют 58% российских и 69% эстонских старшеклассников. Обращаясь к отечественной истории, 53% респондентов Таллина называют периоды и события в истории Эстонии, а 47% старшеклассников испытывают затруднение. В центре внимания школьников, обращенного на историю России, находится XX в., во-первых, история СССР (34 упоминания старшеклассниками Санкт-Петербурга, 63 — школьниками Таллина). Внимание российских школьников направлено на историю СССР от начала возникновения до распада, эстонским школьникам интересна история II мировой войны, Великой Отечественной войны, история СССР, ибо, по признанию респондента, «держава процветала». Во-вторых, для российских школьников в отечественной истории привлекательны XVIII в. и «все/многие» исторические периоды, для эстонских школьников интересна история Древней Руси и «все/многое». Третьестепенное значение школьники Санкт-Петербурга отдают истории Древней Руси, а старшеклассники Таллина — истории XVIII в. Завершает перечень интересующих исторических периодов и эпох постсоветская Россия — для школьников Санкт-Петербурга и XIX в. — для старшеклассников Таллина. Менее всего школьникам Эстонии интересна современность.

В ответах на вопрос, посвященный отечественной истории, обнаруживаются проблемы исторической памяти школьников, сопряженные с хронологической и содержательной неразборчивостью. Так, респонденты настойчиво называют периоды II и I мировых войн, II мировую войну вместо Великой Отечественной войны, кроме того, древнегреческий период, Древний мир, эпоху Возрождения. В исторической памяти респондентов не сохраняется четкого представления о мировой и отечественной войнах, их взаимодействии, соотношении и пределах «локального и всеобщего» в истории. Отсутствует ясное понимание сути «ситуации» и «этапа», «периода» в истории, кроме того, возможности использования прилагательных, адекватно отражающих эмоциональную окраску называемого респондентом исторического события.

Наличие героев в отечественной/мировой истории признают 56% школьников Санкт-Петербурга («нет» — 21%, «без ответа» — 23%). Респонденты Таллина испытывают сомнение в данном вопросе («да» — 47%, «нет» — 48%, «без ответа» — 5%). Школьниками России (85 упоминаний имен) и Эстонии (43 упоминания) признаются героями истории, главным образом, исторические лица российской истории, затем личности всеобщей истории (45 и 35 упоминаний исторических имен школьниками России и Эстонии соответственно). Различия связаны с их ранжированием. Для старшеклассников Санкт-Петербурга первостепенное значение имеют полити-

ческие деятели, полководцы, военачальники, космонавты и народ, для школьников Таллина — народ, родственники, участвовавшие в Великой Отечественной войне, и ее герои (летчики, комсомольцы), затем полководцы, военачальники, политики. Деятели культуры представлены в сознании респондентов весьма немногочисленно.

Имена исторических героев, названные школьниками Санкт-Петербурга и Таллина: И. Сталин и Петр I; Г. К. Жуков, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, К. К. Рокоссовский; прадеды, родственники, люди, участвовавшие в Великой Отечественной войне и победившие в ней; М. В. Ломоносов; Леонардо да Винчи, Александр Македонский, Эрнесто Че Гевара, Гитлер (?!). Проблема исторической памяти обнаруживается в вопросе понимания сущности понятия «герой», а также проблемы «героя и злодея в истории», поскольку Гитлер, согласно респондентам, оказался в списке исторических героев.

Называя имена исторических героев, школьники выражают своими ответами старание в следовании их примеру. При этом для школьников Таллина (64%) значение данных примеров очевидно. Уверенность в данном вопросе проявляют 36% школьников Санкт-Петербурга.

Спектр исторической памяти молодого современника в определенной степени позволяют раскрыть чувства, обращенные к «историческому». Ведь как сказал поэт К. Батюшков: «О, память сердца! / Ты сильней / Рассудка памяти печальной…». Находясь близ исторических памятников, на территории музеев-заповедников и т. п., школьники испытывают преимущественно положительные чувства. Единодушны респонденты Санкт-Петербурга (59%) и школьники Таллина (60%) в том, что исторические памятники вызывают чувство уважения. Сравнивая гамму чувств истории, следует отметить, что респонденты Таллина испытывают более чувства гордости (20%) и ностальгии (7%), менее — отсутствие чувств (3%), а старшеклассники Санкт-Петербурга лишены чувства презрения и стыда. Петербургские школьники, выделяя чувство уважения, одновременно отмечают чувства гордости, ностальгии и любви, затем стыда, страха, трепета. В связи с вопросом «памяти сердца» заслуживает внимания проблема, связанная с непониманием школьниками значения понятия «чувство», ибо в качестве «других» испытываемых чувств респонденты называют восторг, любопытство, наслаждение.

Специфическим явлением и проблемой отношения современника к историческому прошлому предстает исторический нигилизм, или отрицание исторических культурных ценностей и авторитетов. Он находит свое воплощение в том числе в примерах невежественного поведения исторического субъекта, например в осквернении и разрушении памятников, могил, «граффити» на памятниках архитектуры и т. д. Явления такого рода респонденты наблюдают иногда (43% петербургских школьников и 36% учащихся Таллина), а 27% и 33% школьников из Санкт-Петербурга и Таллина соответственно довольно часто. Причины исторического нигилизма, по единодушному признанию респондентов, носят культурологический характер. Первостепенное значение имеют невежество и отсутствие воспитания. Кроме того, в самостоятельно предложенных ответах школьники отмечают: «*незаинтересованность, интерес только к себе*», «*самоуверенность*», «*глупость и непонимание*», «*стремление жить настоящим*».

Большая часть респондентов лично сталкивалась в своей повседневной жизни с конфликтными ситуациями, обусловленными разницей восприятия исторических

событий, различными толкованиями истории, например Второй мировой войны, оккупации территории страны, героизации исторических личностей, установления памятников и т. д. Никогда не наблюдали подобного лишь 24% молодых людей, принявших участие в опросе. Следует заметить, что если данный результат вполне объясним для таллинских школьников, встречающихся с постоянными дебатами как в СМИ, так и в межличностной коммуникации, например с учителями, сверстниками, принадлежащими разным этническим группам, то в Санкт-Петербурге этот результат вызывает тревогу. Безусловно, необходимо учитывать, что в числе петербургских школьников, согласно субъективному показателю национальной самоидентификации, помимо 78% русских в исследовании приняли участие и представители других национальностей. Однако с учётом того, что 12% респондентов Таллина (и 12% школьников Санкт-Петербурга) оставили этот вопрос без ответа, фактор различия национальных самоидентификаций не может иметь первостепенное значение, что заставляет задуматься над более глубоким изучением выявленной проблемы. Согласно полученным данным, *постоянно* подобные ситуации возникают в жизни 20% таллинских и 17% петербургских респондентов, *иногда* — у 37% таллинских и 47% петербургских опрошенных, *однажды* — у 17% и 11% таллинских и петербургских школьников соответственно. Чаще всего участники исследования из Эстонии сталкиваются с подобными конфликтными ситуациями в школе (39%), что свидетельствует о неоднозначной оценке исторических событий педагогами. С одной стороны, это может быть полезно с позиции формирования у молодежи критического восприятия получаемой информации, с другой —деструктивно с позиции формирования ценностных установок у подрастающего поколения в процессе первичной социализации. Данный тезис подтверждают результаты исследования, согласно которым у трети респондентов нет собственной чёткой позиции по поводу оценки исторических событий (29% таллинских и 33% петербургских школьников).

Также значителен процент эстонских респондентов, которые сталкиваются с конфликтными ситуациями в оценке исторических событий на улице (во дворе, в магазине и т. д.), — 34%. В гораздо меньшей степени подобные ситуации наблюдаются дома (8%). При анализе открытых вариантов ответов респондентов были выделены следующие места как повод и площадка для дебатов об истории (19%): памятники и места их расположения; СМИ, а также места, где возможна личная встреча с представителями других этнических групп; внутренний конфликт, обусловленный несогласием с официальной позицией; различные места и люди.

Петербургские школьники также акцентируют внимание на школе и улице, однако в меньшей степени, нежели эстонские респонденты, и лишь 28% называют эти места в качестве наиболее «конфликтогенных». В числе других площадок для дискуссий были обозначены: «*массовые мероприятия*», «*СМИ*», «*общественный транспорт*», «*при общении, в том числе с друзьями*» (13%). Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что, несмотря на конфликтогенность современной системы образования, отмеченную всеми школьниками-респондентами, большой акцент ими делается на противоречии в оценках исторических событий в СМИ, особенно в Интернете.

Полученные результаты коррелируют с ответами школьников, согласно которым система образования в Эстонии более конфликтогенна, нежели в России. Согласно данным исследования, чаще всего у таллинских респондентов происходят

конфликты по поводу исторических событий с учителями (31% по сравнению с 9% петербуржцев). Как написал один из участников опроса, «*учителя в эстонских школах очень многого не договаривают и всегда ставят перед фактом*». На первый же план у школьников выходят конфликты со сверстниками (46% таллинцев и 44% петербуржцев). С родителями конфликтует лишь 10% таллинских и 7% петербургских старшеклассников. В разделе собственных ответов эстонские респонденты всё же вспоминают о национальном факторе («*между русскоязычным и эстоноязычным населением*»). Упоминание эстонскими респондентами политиков и правительства в данном вопросе не случайно, ведь у многих старшеклассников уже сформировалась некая определённая позиция в оценке прошлого. Так, у трети участников опроса из таллинских школ, по их признанию, есть четкая позиция по оценке исторических событий, и она не совпадает с официальной государственной оценкой (30%). Та же треть респондентов отрицательно относится к политике Эстонии, оценивая исторические события.

Петербургские старшеклассники отмечают конфликты «*с друзьями*», «*со старшими людьми*», «*с учебниками*» и «*ТВ, Интернет, общение*». Политические основания в столкновении оценок прошлого здесь не представлены, хотя практически четверть опрошенных учащихся санкт-петербургских школ утверждают, что у них есть чёткая позиция по поводу оценки исторических событий, и она не совпадает с официальной государственной оценкой (23%). Полное согласие с государственной идеологией в данном вопросе имеют лишь 10% школьников Санкт-Петербурга (практически те же результаты были получены и среди таллинских школьников — 11%). В соответствии с этим становится очевидной и трактовка молодыми людьми политики государства в отношении оценки исторических событий. Так, положительно оценивают её лишь 14% учащихся петербургских школ (по сравнению с 18% учащихся Таллина). Более половины респондентов затрудняются однозначно определить своё отношение (51% таллинцев и 58% петербуржцев).

Примечательно, что четверть участников исследования, говоря о сформированности собственных взглядов, затрудняются с определением согласованности их с официальным видением на уровне правительства, как России (25%), так и Эстонии (27%). Это может свидетельствовать как о размытости политических оценок, транслируемых через СМИ, так и неоднозначности трактовок исторических событий с целью «заигрывания» с молодёжью. В связи с трудностями политической социализации молодого поколения всё более актуальным представляется вопрос его патриотического воспитания.

Фактор исторической памяти чрезвычайно важен для формирования патриотических установок в контексте конструирования позитивной политической культуры современной молодёжи. С этим утверждением согласны в большей степени петербургские респонденты, нежели таллинские. Так, 30% эстонских школьников относят его к одному из наиболее значимых факторов, в то время как 41% — к наименее значимым (40% респондентов выбрали средний показатель). Среди петербургских школьников 53% считают данный фактор весьма важным, в то время как 19% не придают ему особого значения (среднюю оценку выбрали лишь 13% респондентов). Таким образом, наблюдается некоторое противоречие между конфликтогенностью политических оценок прошлого, названных респондентами (в оценках правительства и эстонских политиков), и значимостью фактора исторической па-

мяти для индивидуального участия в политической жизни общества. Это может свидетельствовать о глубинном политическом абсентеизме молодых русскоязычных людей, проживающих в Таллине, однако данный тезис является лишь гипотезой и требует дальнейшей верификации.

По мнению большинства участников опроса, как в Эстонии, так и в России уровень конфликтности в оценке прошлого средний, конфликты случаются, но не носят тотальный характер (50% петербургских и 40% таллинских старшеклассников). Однако треть респондентов всё же оценивают ситуацию как напряженную, и в ответе на следующий вопрос 33% школьников отметили, что, по их мнению, уровень конфликтности выше среднего или высокий.

Итак, в условиях глобализации первостепенное внимание школьников Санкт-Петербурга и Таллина обращено ко всеобщей истории. Большой интерес представляет история России. Школьников Санкт-Петербурга и Таллина объединяет особое внимание к истории СССР. В истории России привлекательны, прежде всего, XX в. (история СССР), кроме того, «все/многое», XVIII в. и Древняя Русь (в несколько различном сочетании), затем современность, постсоветская Россия (Санкт-Петербург) и XIX в. (Таллин).

Современные школьники стараются следовать примеру названных ими героев истории в жизни, вырабатывая подобные качества в себе. Готовность назвать имена исторических героев в отечественной и мировой истории с очевидностью выражают школьники Санкт-Петербурга, у респондентов Таллина данный вопрос вызывает сомнение. Различия ранжирования имен героев истории позволяют отметить политизированный характер исторической памяти петербургских школьников, поскольку наиболее активно и первостепенно респонденты вспоминают имена политических деятелей. Старшеклассники Таллина бережно хранят в своей исторической памяти воспоминания о родных людях и народе, защищавших страну от врага в лихие годы войны, признавая их по праву героями истории. Уверенность признания значения примеров названных героев для школьников Эстонии (64%) более очевидна, чем для школьников России (36%). Источники получения информации об историческом герое разнятся: общение с родителями и родственниками на исторические темы характерно для школьников Санкт-Петербурга, школьные уроки истории и книги предпочтительны для старшеклассников Таллина.

Представителей нового поколения России и Эстонии, обучающихся на русском языке, следовательно, принадлежащих русскому миру, единодушно объединяет чувство уважения к истории и «историческому». «Память сердца» школьников Санкт-Петербурга лишена чувства презрения и стыда, а школьников Таллина — исполнена чувства гордости и ностальгии. Для школьников Эстонии менее характерно отсутствие чувств.

Историческая память школьников не лишена проблем: хронологическая и содержательная неразборчивость, неустойчивость и фрагментарность в вопросе соотношения «отечественного и всеобщего» в истории. Наименее хранимы исторической памятью современных школьников имена деятелей культуры, путешественников и первооткрывателей.

Явления исторического нигилизма школьники отмечают преимущественно иногда, некоторая часть — довольно часто. По единодушному признанию респондентов, причины данного явления — невежество и отсутствие воспитания.

Помимо системы образования в качестве агента социализации, воздействующего на формирование оценок прошлого, на первый план у старшеклассников выходят средства массовой информации, особенно Интернет и телевидение. Молодые люди с несформировавшимися представлениями о ценностях, установками и принципами тонут в потоке различных, зачастую противоречивых, мнений и оценочных суждений. Конфликтогенной оказалась и система образования, хотя в России в гораздо меньшей степени, нежели в Эстонии. Для таллинских респондентов оказался значимым и этнический аспект, который пронизывает всю структуру социальных взаимодействий. В социальном окружении старшеклассников родители, в вопросе оценки исторических суждений, оказались наименее конфликтными. Школьная молодежь 16–18 лет ведет больше споров об истории с друзьями, сверстниками.

На данный момент, как показало проведенное исследование, наблюдаются две основные тенденции к нечеткости в оценках старшеклассниками исторических событий: с одной стороны, собственной позиции в отношении прошлого своего народа, своей страны, а с другой — государственной позиции в данном вопросе. Полагаем, что данные тенденции взаимозависимы друг от друга. В результате неопределенность официальной позиции затрудняет либо вовсе делает невозможным формирование собственной позиции у российских и эстонских школьников. Данную особенность необходимо учитывать, когда речь идет о патриотическом воспитании современной молодёжи, о формировании ее политической активности, бережного отношения к историческому наследию и поддержании преемственности базовых ценностей предшествующих поколений.

Литература

1. *Соколова М. В.* Теоретические основы изучения исторической памяти. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. 127 с.

2. Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности / под общей ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 499 с.

3. Проблемы исторической и культурной памяти в жизни современного общества: Сб. ст. по материалам межвузовской научно-практической конференции. Красноярск: Красноярский филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет профсоюзов», 2011. 116 с.

4. Историческая память и формы ее воплощения: [Сборник статей]. М.: Восточная литература, 2003. 398 с.

5. *Дубин Б. Н.* Россия нулевых: политическая культура, историческая память. Повседневная жизнь. М.: РОССПЭН, 2011. 391 с.

6. *Репина Л. П.* Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М.: ИВИ РАН, 2012. 336 с.

7. *Халлисте О. В.* Политическая культура и идентичность: проблема российско-эстонских отношений // Вестн. С-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 3. С. 62–69.

8. *Халлисте О. В.* Участие молодых эстонцев и русских в политической жизни республики // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 139–144.

9. *Халлисте О. В.* Социологическое измерение интереса к политике эстонской и российской молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2011. № 1. С. 32–35.

10. *Кутыкова И. В.* Историческое сознание студентов Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). Исторические образы, чувства и интересы поколения 90-х // Известия СПбГТИ(ТУ). 2011. № 12 (38). С. 98–104.

11. *Кутыкова И. В.* Тенденции исторического сознания первого постсоветского поколения // Вестн. С-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2012. Вып. 4. С. 207–213.

12. *Кутыкова И. В.* История Отечества в сознании учащейся молодежи: итоги постсоветского двадцатилетия // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6, № 2. С. 95–106.

References

1. Sokolova M. V. *Teoreticheskie osnovy izucheniia istoricheskoi pamiati* [*Theoretical basis of the study of historical memory*]. Iaroslavl', Izd-vo IaGPU, 2008. 127 p. (In Russian)

2. *Sovremennoe rossiiskoe studenchestvo: istoricheskaia pamiat' o Velikoi Otechestvennoi voine i formirovanie patriotizma i grazhdanstvennosti* [*Modern Russian students: the historical memory of the Great Patriotic War and the formation of patriotism and citizenship*]. Ed. by Iu. R. Vishnevskogo. Ekaterinburg, UrFU Publ., 2011. 499 p. (In Russian)

3. *Problemy istoricheskoi i kul'turnoi pamiati v zhizni sovremennogo obshchestva: Sb. st. po materialam mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [*Problems of historical and cultural memory in modern society: Coll. Art. material for the Interuniversity scientific and practical conference*]. Krasnoiarsk, Krasnoiarskii filial NOU VPO «Sankt-Peterburgskii universitet profsoiuzov» Publ., 2011. 116 p. (In Russian)

4. *Istoricheskaia pamiat' i formy ee voploshcheniia: Sbornik statei* [*Historical memory and forms of its realization: Collected articles*]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2003. 398 p. (In Russian)

5. Dubin B. N. *Rossiia nulevykh: politicheskaia kul'tura, istoricheskaia pamiat'. Povsednevnaia zhizn'* [*Russia zero political culture, historical memory. Everyday life*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 391 p. (In Russian)

6. Repina L. P. Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoi pamiati [Experience in social crises in the historical memory]. *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamiati* [*Crises pivotal era in the historical memory*]. Moscow, IVI RAN Publ., 2012. 336 p. (In Russian)

7. Khalliste O. V. Politicheskaia kul'tura i identichnost': problema rossiisko-estonskikh otnoshenii [Political culture and identity: the problem of Russian-Estonian relations]. *Vestn. St. Peterb. un-ta. Ser. 12* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12], 2009, issue 3, pp. 62–69. (In Russian)

8. Khalliste O. V. Uchastie molodykh estontsev i russkikh v politicheskoi zhizni respubliki [The participation of young Estonians and Russian political life of the republic]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [*Sociological researches*], 2011, no. 3, pp. 139–144. (In Russian)

9. Khalliste O. V. Sotsiologicheskoe izmerenie interesa k politike estonskoi i rossiiskoi molodezhi [The sociological dimension of interest in politics of the Estonian and Russian youth]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiia. Ekonomika. Politika* [*News of higher educational institutions. Sociology. The Economy. Policy*], 2011, no. 1, pp. 32–35. (In Russian)

10. Kutykova I. V. Istoricheskoe soznanie studentov Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo instituta (tekhnicheskogo universiteta). Istoricheskie obrazy, chuvstva i interesy pokoleniia 90-kh [Historical consciousness of students of St. Petersburg State Technological Institute (Technical University). Historical images, feelings and interests-generation 90]. *Izvestiia SPbGTI(TU)* [*News SPbSTI (TU)*], 2011, no. 12 (38), pp. 98–104. (In Russian)

11. Kutykova I. V. Tendentsii istoricheskogo soznaniia pervogo postsovetskogo pokoleniia [Trends in the historical consciousness of the first post-Soviet generation]. *Vestn. St. Peterb. un-ta. Ser. 12* [*Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12*], 2012, issue 4, pp. 207–213. (In Russian)

12. Kutykova I. V. Istoriia Otechestva v soznanii uchashcheisia molodezhi: itogi postsovetskogo dvadtsatiletiia [History of Russia in the minds of students: the results of the post-Soviet twentieth]. *Istoricheskaia psikhologiia i sotsiologiia istorii* [*Historical psychology and sociology history*], 2013, vol. 6, no. 2, pp. 95–106. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2015 г.

Контактная информация

Кутыкова Ирина Валентиновна — кандидат философских наук, доцент; irina.kutykova@gmail.com

Халлисте Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, доцент; olgahalliste@mail.ru

Kutykova Irina V. — Candidate of Philosophy, Associate Professor; irina.kutykova@gmail.com

Halliste Olga V. — Candidate of Sociology, Associate Professor; olgahalliste@mail.ru